

ОЛЕГ ПРОКОФЬЕВ

СТЕРНЫМ Я И САМ

ЛОНДОН

1987

лицо природы не стареет
но как в ПОРТРЕТЕ АСРИАНА
стареем мы
от правды отскочило отражение
от безобразия природа в ужасе бежит
в агонии гниет тоскливый труп
а что останется
восходит тайно

при свечах ты наполовину призрак
сейчас пройдешь через огонь
не обожгись
останется посмертное тепло
полустертое слово
раплавчатый конец
заревое пожара на сетчатке

упавшей в море поэтессе

поэтесса погибла
где вид потрясающий был
сидела как дома
упала чужой
худшее друг плохого
влечет к себе на дно
теперь
в руинах гранита
несделанность ее мечты
торчащий из моря остов строф
и выветренных метафор дыры

среди нерукотворных ясеней и буков
я мысль одну рашу
им невдомек моя фантазия
они
величие веков
и мерят время сменой сезонов
и если б двигаться могли они
величие отдав за суету
то растоптали бы меня
но я окутан их молчанием
и их всезнанием спасен
а мысль моя проста
почувствовав величие
ничтожество как я
становится его частицей

насилие без нежности мертво
умри

смерть
без страданий
не обижайся на мою черствость
нам суждено жить вместе
а мертвые привязаны к живым
и тащат к себе

наклоняюсь над количеством
прошедших лет
рассказанных со смаком анекдота
жду с звериной жадностью развязки
в награду
темный вкус железа
обморок сомнений
свежесть новых запятей
жар пустого за углом

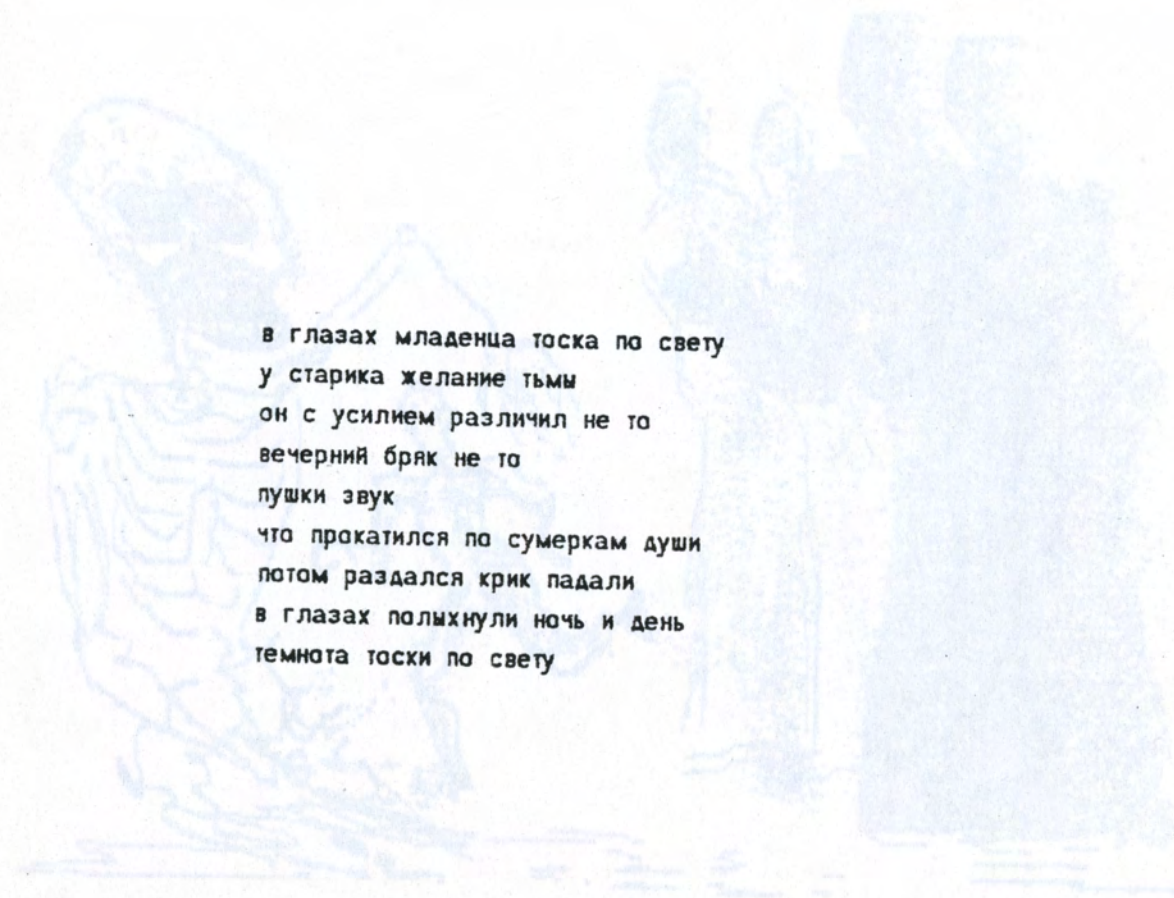
не мешай снам сниться
это малая реальность
личная
твоя
когда же окончательно уйдешь туда
где мир не больше чем ты сам
невидимый вергилий с опаской поведет
по сумрачным проходам
в поисках твоих следов
и сны одни сотрет другими
мумии твоей прикажет тлеть
и будет время недосказанная сказка
а остальное птичий гам

из темноты неоднократной драмы
на волю выполз чудо страх
ощупал пустоту и жжет безумно
дышет пропастью и формы чужд
в результате наблюдение
перестало мною быть
воздвигся черный мир вещей
раздался ужас так велик
что показался бог игрушкой
а я как выплюнутый хаос
собой проснулся удивлен

свершилось
умер
исчез своим путем
другие остались немного живые
и дышат как-то ненужно
нестройно
платками сдавая позиции
то был говорят неизбежный шаг
к незаметному ТАМ
с нами здесь тяжеленное НЕТ
с ним же
там
ускользнувшее ДА

жизни осталась куча минут
объемистых пухлых минут
однако исход неминуем
свечку задуют
страхом засудят
забвением обидят
страшнее - разбудят
и скажут
ты не был -
будь

The background of the page features faint, light blue ink sketches. On the left, there is a sketch of a person in a dynamic, possibly dancing or falling pose. On the right, there is a sketch of a group of people standing together. The sketches are very light and blend into the paper's texture.

в глазах младенца тоска по свету
у старика желание тьмы
он с усилием различил не то
вечерний бряк не то
пушки звук
что прокатился по сумеркам души
потом раздался крик падали
в глазах полыхнули ночь и день
темнота тоски по свету

греки знали толк в роке
а что хотели смерти
враки
эдип запомнил пустяк
кривая правды подвела и ослепила
не знали руки что не видели глаза
вычленивай одно

другое выйдет

в дверях гонец
с известием
что смерть на месте

мне представилось
что ты вошла во время ужина
случившись
чуждо нетерпеливо
чем поделиться?
время столько съело
я ближе к черствой плоти вечера
чем к предрассветному зерну
страдание не стареет -
ты молвишь мне без звука
а я отвечу - умирает
прах и соль его при мне

неожиданно сумерек

смерть войдет как послуга

дети входят со светом

протискивая

играть и

а тут еще боль

судорога убила

дурная сила

мысль о

она как женщина

своем мире

поклонил уша

в начале дни цветастые

всех оттенков сна

потом уже песочные

несчетные песчинки

в конце

песок в глаза

незаметнее сумерек
смерть войдет как прислуга
дети знают ее лучше
противная
играть им не дает
а тут еще боль
судорога жизни
дурная сутолока
мысль о смерти неподвижна
она как памятник всевышнему
свою необходимость
докажет уходя

к старости
дороговизна чувств
приводит к нищете
на голой улице
личная собственность переживаний
становится крошкой
на дне кармана

энди уорхол
намедни грохал
смерти сверху
перхоть сыпал
трахал энди
банку бренди
порхал уорхол
по слухам охал
в крахе дэнди
крендель праха
ведьмин парик
сгинул старик

проблема смерти отодвинута
до лучших времён

взамен имеется
свобода памяти
лимит воображения

от этого так тихо мне
что чёткость чувства
позволяет в темноте
ощупать страх

но берегись
будь с ними нежнее ночи
пока он спит
твой сон цветок

в разгар мухоморной славы
физик кричал
а радиация пела
взбесившийся нейтрон
среди молекул плакал
физика рвало лириком
он излучал красоту
в сто тысяч орхидей
в превосходной степени
то есть смерть

с точки зрения 100.000 лет
россия не бог весть что

относительно россии
ну чем я не козявка

в моей жизни
мгновение это пустяк

но через него я постиг шемащую мысль
что без меня

эти 100.000 лет
не стоят и введенного яйца

по сравнению с темной ямой внутри меня
голубая яма над головой
пушиста и прекрасна

хорошо что здесь в междуямии
я могу
сидя на твердом дереве
смотреть на все
без преувеличений

каждому дано тело времени
пожизненный личный дом
его начало скрыто в трепете
в скрещении прерывистых дыханий
его предел в событиях облаков
его наощупь будто нет
но есть в нем твердость острия
что колет больно
и рану жизни бережит

к несправедливости привыкаешь как родственнику
слушай глухую музыку стен
массивные ворота загремят финалом
раскроют дырявость объятий
надо будет быть самим собой
плоть как простуда пройдет
дух унесет сквозняком

вспоминались умершие
постепенно
они вытесняли болтливую мебель
...так рад вас видеть
не знаю что спрашивать
радость убила все
и стала меньше вас
теперь торчите
подсматривайте грехи
живое противится

спешит прочь

так что прощайте
воображаемое вчера
любимое ничто

в манере Е.Л.Кропивницкого

злые духи мне готовят крышку

затаили злобный трюк

умерщвлять и душегубить всех неправопорот

все же знаю что дойдут и до меня

все отнимут

что же делать

я утешусь

жизни пусть лишат

смерти же никак

мой бог
кто бы ты ни был
ты творец непревзойденный
философы все спорят
есть ли ты и всемогущ ли
зовут тебя природой и судьбой
слова глотают удивление
крылья подрезают языку
слова нынче кирпичики
для стройки башни в небеса
у меня же личная просьба
в случае моей смерти
боже
как тогда поклоняться тебе
придумай что угодно
в тебе гениальности хоть отбавляй

я сотрусь как рисунок
как узел распутаюсь
слова разойдутся
по своим делам
взамен не то что ничего
а ветер будет дуть слегка
и звезда лучиться

невероятное случилось

я скончался

умер

точка

другие продолжали делать то

что я обычно делал сам при жизни

и были ближе чем надеялись

к дыре

я же скрылся в дебри памяти

где выход слухами закрыт

а блеклый ангел ждет с укором

конца концов

старость это атака
затишье
и вдруг окружен
многозадач за дверью
скрыться бы в трещинах сердца
морщину бы страха стереть
старость торжествующая капитуляция
враг от побед обветшал
да будет дух и прах

не жить
это быть в другом месте
а кто знает где?
камни от знания каменеют
вода от невежества течет
я заглянул в дыру себя
ужас наполнил меня как вода
до краев дыхания
то жизнь была
в сильнейшей степени
окаменелостью трескала оболочка
(воспоминание хлюпало как кочка)
только роза попрежнему
сощурилась бесчисленные лепестки
понимающе пахла собой

привыкнуть невозможно!

привыкнуть невозможно!

МИСТИК

утром бормотал мантру

днем вникал в книгу Яогов

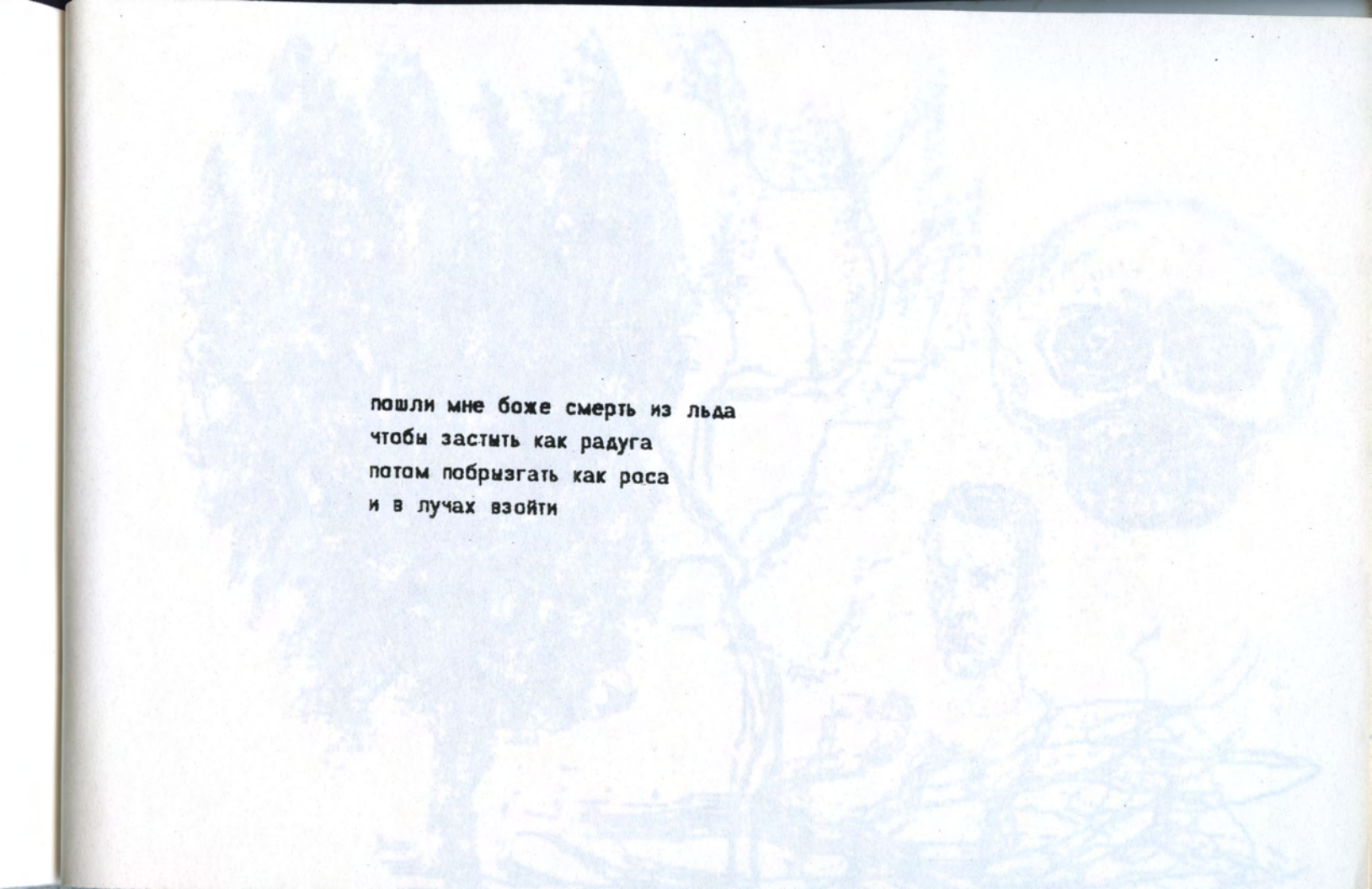
ночью слушал вечный шум

исхудал как сухой лист

унесло ветром

насекомые унаследуют планету
жужжащую поверхность льда
вытряхнутые сундуки душ
пропитают туманы как гарь
палющее презрением солнце
декорацией прикроет драму
за ненадобностью зрителя

ангел хлебный
явился в обед
прожурил что не пристало
слишком много поглощать сала
это препятствует трению сфер
мешает контактам иерархий
и скрылся
оставив доживать страх

пошли мне боже смерть из льда
чтобы застыть как радуга
потом побрызгать как роса
и в лучах взойти

мне и кошке дано
мистическое право жить
а мертвые лица камней
с выражением застывшей лавы
вещают одно

быть это жить

быть это жить

вы бы могли возразить?

черная земля и белый пепел
соединяются лишь раз

то что было
то что будет
образует грязь

все что не родилось
край умершего
там заседание духов
одетых в облака
с сердцами солнц
они бесстрастно утверждают
кровосмешение времен

отныне пепельной душе поэта
быть в томлении
в его страдальческом кристалле
огонь и рост отражены

мысли странствуют и снимают
в гостиницах книг номера
воображение идет дальше
предпочитая спать под кустом

после этого
хорошо вернуться домой к телу
открывая новизну
собственного скелета

